

Любовь Бугаева

РЕВОЛЮЦИОННАЯ УТОПИЯ: ГОРЬКИЙ ПО СМИРНОВУ

Две вещи погубили писателя Горького: успех и
наивный, непродуманный социализм.

Д.В. Философов

И.П. Смирнов увидел мифологичность советского романа в членении времени на эпоху творения и эпоху воспроизведения акта творения. Произведение, предвосхитившее литературу соцреализма и положившее ей начало, – роман, или повесть, Горького *Мать*, однако, относится к эпохе до творения. Истоки мифа отыскиваются в том периоде, когда попытка творения истории, предпринятая революцией 1905 года, провалилась. Социалистический реализм родился не в результате репродукции действительности, но в результате нарративизации истории с ее последующим искажением и метонимического замещения неудавшейся революции общества удавшейся революцией индивида. От революционной активности и организации взрыва социальной действительности Горький, на квартире которого в 1905 году было налажено производство взрывных устройств и бомб, перешел к аналогичной литературной активности и к описанию взрыва-пробуждения революционного сознания в человеке.¹ По утверждению Смирнова, «в индивидуальной судьбе литературных героев периода творения соответствует момент перехода из низшего состояния в высшее. Архетип советского романа отыскивается, таким образом, в *rite de passage*» (Смирнов 1994, 236). *Мать* – грандиозный и массовый *rite de passage*, в который включены как многие герои, в первую очередь, мать и сын Власовы, так и сам автор. Реакция властей на публикацию *Матери* была адекватной той революционной опасности, которую, по их мнению, представляла собой повесть: петербургский комитет по делам печати наложил арест на сборники товарищества «Знания», в которых печаталась *Мать*, запретил распространение в России всех ее иностранных изданий, признав повесть «почти сплошную революционную вещь» (цит. по: Ефременко 1970, 8, 436). Против Горького было возбуждено дело по нескольким статьям, в том

¹ Как считает И.П. Смирнов, революционная логосоматика характеризуется самозамещением: «поражение восстания означает его неизбежное возобновление в грядущем» (Смирнов 2004, 55).

числе и за возбуждение «к учинению бунтовщического или изменнического деяния» (цит. по: Ефременко 1970, 8, 442-443).

Советские исследователи в своем стремлении представить Горького как родоначальника социалистического реализма интерпретировали *Мать* как произведение, основанное исключительно на русском материале. Возникновение идеи написания произведения датировали обычно временем после Сормовской демонстрации 1 мая 1902 года (Ефременко 1970, 8, 428, 462). Николай Буренин, музыкант и по совместительству соглядатай, приставленный к Горькому партией, спешил засвидетельствовать, что Горький работал над повестью уже ранней весной 1906 года во время плавания на пароходе «Фридрих Вильгельм Великий», то есть до своего приезда в Америку, где собственно и была написана *Мать*, первую часть которой Горький предоставил к печати американской фирме «Appleton and Co» уже в сентябре 1906 года. Горькому, действительно обладавшему огромным личным опытом революционной деятельности, приписывали, кроме того, знакомство к моменту работы над *Матерью* с трудами В.И. Ленина: «Развитие капитализма в России», «Что делать?», «Две тактики социал-демократии в демократической революции» (Ефременко 1970, 8, 463). Прототипов героев находили исключительно в среде русских революционеров. Так, считалось, что в образе Павла Власова Горький отразил черты биографии Петра Андреевича Заломова (1877-1955), осужденного за демонстрацию в Сормове, Дмитрия Павлова, также участвовавшего в Сормовской демонстрации, и Александра Николаевича Дорофеева (Ефременко 1970, 8, 468); в образе Пелагеи Власовой – матери Заломова Анны Кирилловны Заломовой, матери Дмитрия Павлова Вассы Павловой, жены революционера-подпольщика М.А. Багаева и т.д. Горький, впрочем, действительно много занимался «делом Заломова», читал и правил речь Заломова на суде, ежемесячно посылал Заломову деньги в течение всего периода его ссылки и даже выслал ему 300 рублей на побег (Ефременко 1970, 8, 467). Лишь отдельные критики обвиняли Горького в плохом знании русской действительности и в вымышленном характере героев.

В ряде исследований отмечается влияние на писателя монизма А.А. Богданова (Малиновского), с которым Горький познакомился во второй половине 1905 года. Горький, искавший пути к социализму после поражения первой русской революции, уже тогда увидел в богдановской идее коллективизма основу для разрешения конфликта между «Я» и «Мы» (Заика 1998, 5). Более близкое знакомство с работами Богданова и активное богостроительство писателя, отразившееся в статье «Разрушение личности» (части коллективного труда *Очерки философии коллективизма*, Санкт-Петербург, 1909) и в художественной форме – в повести *Исповедь* (1908), инициировавшей, наряду с работами Луначарского (вошедшими

позднее в книгу *Религия и социализм, 1907-1910*), дискуссию о социализме как новой религии, относится, однако, ко времени после завершения повести *Мать*. Богданов также отрицал влияние своих философских идей на художественное творчество Горького периода написания *Матери*:

[...] В связи с нашим спором о влиянии философской и публицистической работы на талант Горького, обращаю Ваше внимание на тот факт, что «интервью» с разными персонажами и «Мать» написаны в 1906 г., когда собственно философского влияния не было и в помине (мою книгу «Новый мир», трактующую о социализме, Горький прочитал, правда, в 1906 г., и тогда у него явилась склонность познакомиться ближе, но только после Лондонского съезда 1907 г. это случилось на деле). (Письмо А.А. Богданова А.В. Амфитеатрову от 5 октября (н. ст.) 1909 г.; цит. по: Ревякина 1998, 18)

Переписка Горького с Богдановым высвечивает, впрочем, помимо позиции писателя в теоретических вопросах, его интерес к философии, способной служить инструментом организации и реорганизации как партии и общества в целом, так и человека. В письме Богданову от 15-16 (28-29) марта 1909 года Горький замечает:

Наша задача – философская и психическая реорганизация партии, мы, как я это вижу, в силах задачу сию выполнить – к выполнению ее и должна быть направлена вся масса нашей энергии. Тратить же ее на мелкие стычки, бумажную войну, на трепки Каменевым, которые даже и трепки хорошей не достойны – так бесплодно тратить душу нельзя. (Горький 1998, 53)

Горький соотносит социализм в интерпретации Богданова с активностью, считая основной задачей партии формирование «нового сознания пролетариата» на основе «коллективной воли», «коллективных чувств» и «коллективных ощущений» (Шерер 1995, 58).

Неудовлетворенная потребность Горького в действенной философии фундирует его негативное отношение к Толстому, философскую позицию которого он расценивает как пассивную и недейственную. Так, Горький в письме Ленину в ноябре-декабре 1910 года, доказывая необходимость основания нового журнала *Современник*, определяет направление и задачи журнала следующим образом:

[...] реализм, демократия, активность [...]

[...] бороться против легенды о Толстом и религии его [...]

[...] руки дрожат и мерзнут [...] (Горький 1998, 140)²

Впрочем, разочаровавшимся в возможностях русской философской мысли и, в частности, в философии Толстого Горький выглядит уже в 1906 году, то есть в период написания повести *Мать*. В интервью о влиянии революции на русскую литературу Горький отрицательно оценивает философские взгляды классика и заявляет, что «России необходима активная философия» (*Летопись* 1958, 602).³ Джон Спарго, американский знакомый Горького, автор книги о социализме, фиксирует критические высказывания писателя о Толстом:

Tolstoy, Gorky declared, is without influence in Russia to-day, contrary to a widely prevailing notion in this country. Of the older writer's consummate literary art, the younger man spoke with reverential admiration, while condemning his views as reactionary. But the Count's teaching has no real influence in Russia to-day, either for good or ill, Gorky says. There was a period, in the seventies, when Peter Lavroff's works dominated the thought of Russia; in the eighties it was Tolstoy; in the nineties Tolstoy's influence waned and there was a blank. Now younger writers with new ideas provide the real intellectual motive force of Russia. (Spargo 1906, 155)

Можно предположить, что именно в Америке Горький рассчитывал найти действенную в инструментальном смысле философию. По стечению обстоятельств он оказался в так называемом центре интеллектуальной жизни США. После того, как стало известно, что сопровождавшая Горького в поездке М.Ф. Андреева не является его женой, двери всех нью-йоркских гостиниц для них закрылись. Писатель принял предложение супругов Джона и Престонии Мартин поселиться в их доме на Стейтен-Айленд в Нью-Йорке, а в июне переехал к ним в имение в горах Адирондак в штате Нью-Йорк. Именно там – в маленьком местечке под названием Кин – интеллектуальном центре, который посетит как американскую достопримечательность, правда, позднее Зигмунд Фрейд, в июле 1906 года Горький начинает писать *Мать*. Среди американских интеллектуалов, с которыми Горький встречается в Нью-Йорке и в Кине, – Уильям Джеймс, Джон Дьюи, Франклин Гиддингс.

Ко времени приезда в США Горький уже был знаком с работами Джеймса *The Principles of Psychology* (1890; в русском переводе – *Научные*

² Письмо до нас не дошло. Исследователи реконструировали текст горьковского письма, анализируя содержание адресованных Горькому писем Ленина и изучая горьковские цитаты в письмах Ленина.

³ Интервью опубликовано по-английски в: *Twice a week Spokesman Review*, 22 April, 1906.

основы психологии. Санкт-Петербург, 1902) и *The Will to Believe and Other Essays in Popular Philosophy* (1897; в русском переводе – *Зависимость воли от веры*. Санкт-Петербург, 1904), которые он обсуждал с К.П. Пятницким (*Архив А.М. Горького*, IV, 1954, 135). Встреча состоялась в мае 1906 года в Кембридже, затем писатель и философ виделись летом в горах Адирондак.⁴ Позднее Горький будет неоднократно подчеркивать близость своих взглядов позиции Джеймса; в мае 1925 года он напишет в письме Д.А. Лутохину: «Почему вы думаете, что я «бергсониец»? Родство с Джемсом – могу принять, но – со многими оговорками. А указание на Бергсона – не понимаю» (*Архив А.М. Горького* 1976, XIV, 397). Горького сближает с Джеймсом, в первую очередь, интерпретация идеи Бога. Как считает Б. Шер,

James uses God as psychological and philosophical construct; Gorky uses the notion more for a social and historic purpose. In both God becomes more human-centered; belief is important not because it can explain the actual order of things (though according to James a belief in God *might* be an accurate representation of the way things are), but for the manner in which it expands human capabilities. (Scherr 2003, 202)

Знакомство Горького с Дьюи состоялось еще в Нью-Йорке, до переезда в Кин. После инцидента с выдворением Горького из гостиницы Джон Дьюи, в то время профессор Колумбийского университета, устроил прием в честь мадам Андреевой, на котором она выступила с речью об участии женщин в революции.⁵ Более близким знакомство Горького и Дьюи становится летом – имение Дьюи, как и Джеймса, находилось буквально в двух шагах от имения супругов Мартин, где жил Горький.⁶ Притягательность местечка Кин заключалась в функционировании там уникального «филозофского лагеря» – Glenmore, а «School for the Cultural Sciences». Основанный Томасом Дэвидсоном в 1899 году, Гленмор был открыт каждое лето,

⁴ Хорошо известны высказывания Горького о Джеймсе в письмах К.П. Пятницкому и Е.П. Пешковой: «Познакомился с Джемсом, Чаннингом и др. Джемс – славный старик, но тоже американец» (Горький 1999, 5, 203); «Недавно читал Джемс, психолог, которого здесь чтут как звезду первой величины. Познакомился с ним – ничего, старик славный» (Горький 1999, 5, 212). Из письма Джеймса Горькому в сентябре 1906 года: «The various civilizations, such as they are, are the vehicles of all the goods, as well as of most of the evils, that those born under them enjoy. But there is a higher nation, the cosmopolitan communion of liberal minds, of les „intellectuels“ which is organizing itself more and more, and out of which the essential lines of the future will be drawn. You Russian writers, with your extraordinary genius for human sympathy, are among the most potent organizers of this true and wider communion» (James 2003, 11, 270–271).

⁵ Речь Андреевой в Нью-Йорке «Barnard girls secretly greet M-me Gorky» опубликована по-английски в газете *World*, 5 May, 1906.

⁶ О близком знакомстве Горького и Дьюи свидетельствуют, в частности, фотографии, на которых Горький снят с детьми Дьюи (см. № 360 (№ 922); № 361 (№ 921); № 909 (№ 872) в: *Современники А.М. Горького*, 2002).

как правило, с 1 июля по 31 августа. Занятия начинались утром: две лекции после завтрака, после обеда групповые чтения на открытом воздухе или активный отдых, после ужина – вечерняя лекция. Среди участников, регулярно читавших лекции в Гленморе, были ученые и философы: Джон Дьюи, Уильям Джеймс, У.Т. Харрис, основатель и редактор *Journal of Speculative Philosophy*, Дж. Кларк Муррей, Макс Марголис, Джонс Хопкинс, Феликс Адлер, основатель общества этнической культуры. Джеймс «counted that summer woefully lacking that did not include a sojourn at Glenmore» (Bakewell / Bakewell Hooker 1970, 64). В одном интервью Дэвидсон признался в своих надеждах, что Гленмор мог бы

[...] become more than a school for the „culture sciences“, that it should be „made to stand for something definite. [...] It must be a seminary for the new creed. But we are not ready to formulate that yet“. (Bakewell / Bakewell Hooker 1970, 64)

Летом 1906 года, когда Горький жил в Кине, в Гленморе, находившемся на расстоянии двух миль от Кина, читали лекции Моррис Коэн, Джон Дьюи, Ф. Вудбридж, Джеймс Прайт, Феликс Адлер и Чарльз Джадд. Горький, ошибочно считавший основателем школы не Дэвидсона, а Дьюи, посещал лекции Дьюи и других лекторов. Содержание лекций Горькому, недостаточно владевшему английским языком, переводила Андреева или пересказывали (через Андрееву) супруги Мартин.

Джон и Престония Мартин в воспоминаниях Буренина о Горьком выступают, главным образом, как приветливые хозяева:

Миссис Мартин оказалась умной, интеллигентной и культурной женщиной. К тому же она хорошо говорила по-французски, и мы свободно объяснялись друг с другом. Узнав от меня, из какой семьи происходит Мария Федоровна, в какой среде она росла и воспитывалась, как она была избалована вниманием и с какой любовью относилась к ней московская публика, в особенности молодежь, миссис Мартин сразу прониклась к Марии Федоровне большой симпатией. Горького миссис Мартин знала по английским переводам его ранних произведений. Она очень ценила его как писателя и, будучи сама писательницей, поняла, что надо прежде всего создать для Алексея Максимовича такие условия, чтобы он по установившейся привычке мог ежедневно работать и чтобы ничто ему не мешало. (Буренин 1961, 388-389)

В героине *Матери* Пелагее Власовой проступают помимо черт русских прототипов черты Престонии Мартин, воспитывавшей приемных детей, называвшей своих русских гостей «mes enfants russes» (Буренин 1955, 238),

заботившейся о них как о детях⁷ и радовавшейся их радостям.⁸ Однако Престония Манн Мартин, кузина известного американского просветителя и педагога Гораса Манна, ученица профессора Томаса Дэвидсона и Джона Дьюи, была не только приветливой хозяйкой, но и довольно видным общественным деятелем, публицистом, позднее – автором нескольких книг. Среди друзей, близких знакомых и корреспондентов Престонии были Джейн Адамс, Эптон Синклер, Дэвид Грейсон, Генри Д. Ллойд, Лилиан Уолл, Генри Форд, Элеонор Рузвельт, Герберт Уэллс и многие другие известные люди. Престония Манн приехала в основанную Дэвидсоном летнюю философскую школу слушать Дьюи еще в 1890 году и, вдохновившись идеей летней школы, купила в 1895 году для реализации этой идеи землю у брата Джона Дьюи, где основала свою собственную летнюю школу под названием *Summerbrook*. В Гленморе Престония и познакомилась со своим будущим мужем Джоном Мартином. Миссис Мартин

[...] with a profound faith in the social ideals of the Collectivists, hoped to rekindle the spirit of social enthusiasm for which the famous Brook Farm stood in the days of Ripley, Greeley, Hawthorne, Margaret Fuller and others – that famous group of earnest men and women who embraced the teachings of the gentle French Utopist, Charles Fourier. Accordingly she designed her beautiful home to meet the needs of a little community of writers, artists, teachers and social thinkers of all schools of thought, whose vacations should be inspiring and profitable as well as pleasant and restful. (Spargo 1906, 149)

⁷ М.Ф. Андреева пишет Е.Ф. Крит в конце июня - июле 1906: «Если хочешь – они любят меня по-своему. Наша хозяйка Престония Мартин часто трогательно внимательна ко мне. Я тут как-то заболела, так она не отходила от меня, ухаживала, как за ребенком, изо всех сил она старается угодить мне и обожает Алешу, и я знаю, она совсем необыкновенный для Америки, добрый и сердечный человек, но минутами и она поражает меня таким неизбынным морем чуждого понимания, взгляда на вещи, что я вдруг почувствую себя перед каким-то невиданным и неведомым мне зоологическим типом, с некоторым налетом психопатии» (Андреева 1961, 109).

⁸ Из воспоминаний Буренина: «Как-то в воскресенье – день, когда хозяева сами себе прислуживают, а прислуга гуляет, – мы сидели всей компанией в любимой нашей гостиной. Почта принесла радостные известия от Л.Б. Красина о том, что выиграно крупное денежное партийное дело. Чуткая Престония Ивановна сразу заметила, что у нас случилось что-то радостное, стала поздравлять своих русских детей – „mes enfants russes“, как она нас называла, – и готова была затанцевать от радости за нас. Я сел к роялю и заиграл веселый кекуок. Заволжский очень талантливо начал подражать негритянским танцам, к нему присоединились мисс Грэвс и Гарриет Брукс, и, начав свой танец в доме, они под общий смех выбежали в залитый ярким солнцем сад. В саду к нам присоединился молодой парень садовник, они подхватили горничную, негритянку-кухарку, те потащили за собой Престонию Ивановну, захватили самого Горького и Марию Федоровну, которая увлекла за собой Ивана Ивановича (так называли Джона Мартина. – *Ред.*), и так, целым хором, плясали какой-то неизвестный танец: мы – на русский лад, американцы – по-своему» (Буренин 1955, 238).

В Саммер Бруке не было формальных лекций; каждый день несколько часов отводились физическому труду, было время для занятий, дискуссий и групповых чтений. В своей школе Престония стремилась

[...] to foster the more humane aspects of society and to make her school a pattern of the enlarged family – the ideal community. A large woman, friendly, confident, and determined, she gracefully introduced new customs in household management and dress and played Lady Bountiful for miles around. She led her guests in the consideration of social problems and in daily two-hour labor stint. Nothing but physical labor counted as work with Mrs. Martin, but it was all made a cooperative game in which social reformers of New York and Boston took part – such people as Edwin Markham and his wife, Lillian Wall, Jane Addams, Henry D. Lloyd, Upton Sinclair, and Charlotte Perkins Gilman. (Porter 1957, 29-30)

Таким образом, Горький оказался в центре двух школ, двух экспериментов по созданию качественно новой формы общественного мышления и общественного поведения. Увиденное явно увлекло Горького. При этом писатель стремился связать идеи реформирования человека с социализмом. В разговорах со Спарго, обсуждая социализм в Америке и в России, он неоднократно интересовался формами деятельности социалистов, направленной на изменение и развитие духовной организации человека:

He wanted to know about American Socialism, expressing a fear that there exists a tendency to measure its growth by votes instead of by its spiritual development, its devotion to the ideal. My explanation of the mechanism of the Socialist movement, the party organization, means of propaganda, the party press, and the growing hold of Socialism upon the literary class seemed to interest him greatly. (Spargo 1906, 153)

Пребывание в доме супругов Мартин дало Горькому возможность близко познакомиться с одной из разновидностей социализма. Муж Престонии Джон Мартин, профессор международных отношений в колледже, входил в организацию фабианских социалистов. В конце августа 1906 года по его приглашению в Саммер Брук приехали для участия в недельной конференции социалисты-реформисты.⁹ Впрочем, конференция фабианцев Горькому не понравилась. По его мнению, многих из участников нельзя было считать ни социалистами, ни, тем более, реформистами.

Горькому, скорее всего, не удалось по разным причинам, в том числе и языковым, найти в американской действительности «инструментальную» философию – готовую формулу общественного развития, что, в результате, вылилось в критику Америки и американцев: «Америка, страна под-

⁹ Конференция проходила 19-26 августа (1-8 сентября) 1906 года.

ростков, тоже сильно заинтересована – т.е. испугана – русской революцией и тоже очень любопытно рассуждает, хочет понять, но – не может» (Горький Малиновской Елене Константиновне. Капри, Декабрь 1906 г., *Архив А.М. Горького* 1976, XIV, 312).

В то же время нереализованное желание революционного преобразования общества и человека, безусловно, мучило писателя:

In such moods, he would pace up and down his room like a baffled beast in an iron cage, morose and silent, his only relaxation being the catching of flies and their liberation. Standing by the window, gravely and gently catching flies of the large „blue-bottle“ variety, he would open the window and release them, his face beaming with pleasure, and shouting in triumph at their free and rapid flight to liberty. The freedom of the flies was for him a symbol of the freedom for which the Russian people are struggling against bureaucracy, and which they must inevitably win. „See! So shall Russia enjoy freedom!“ he cried exultingly. If ever a man lived whose life was wholly consecrated to an ideal, Maxim Gorky is such a man – and his ideal is freedom for Russia and for all mankind. (Spargo 1906, 150)

Неудача революционной деятельности 1905 года и неудавшийся поиск в Америке готовой философской формулы для активного действия и построения социализма результируются в социальном утопизме повести *Мать*, позволившем впоследствии встроить ее в ряд произведений социалистического реализма. И.П. Смирнов замечает, что утопии, по определению снимающие отчуждение, тем не менее, как правило, создаются философами, находящимися в ситуации отчуждения — «в тюрьме (Т. Кампанелла, Чернышевский), в эмиграции (Маркс), на исходе того движения, к которому автор принадлежит (так, романтик В. Одоевский сочинил свои утопические произведения, «Город без имени» и «4338 год», в период, когда мировой романтизм пришел в упадок)» (Смирнов 1996, 164-165). Повесть Горького *Мать*, предтеча литературы соцреализма, рисующая утопическую картину революционного массового преобразования сознания человека, и была написана в ситуации отчуждения – в Америке.

Утопическая ориентированность повести восходит во многом к фабианскому социализму, с которым Горький непосредственно столкнулся во время пребывания в США. Фабианцем был не только Джон Мартин, но и знакомый Джона и Престонии английский писатель Герберт Уэллс, посетивший США в 1906 году. С Уэллсом Горький познакомился 29 марта (11 апреля) 1906 года на приеме у издателя *Wilshire Magazine* Вильшайра и затем встречался с ним в апреле-мае в доме Престонии и Джона Мартин на Стейтен-Айленд. Вступивший в общество фабианцев в Лондоне в 1903 году, но интересовавшийся фабианским социализмом еще до вступления в общество, Уэллс высказывает фабианские взгляды как в своих теорети-

ческих работах по философии и социологии, в частности, *Mankind in the Making* (1903), *A Modern Utopia* (1905), *Socialism and the Family* (1906), *Faults of the Fabian* (1906), *The Future in America* (1906), *Reconstruction of the Fabian Society* (1906) и т.д., так и в художественных произведениях, в т.ч. в дистопии *When the Sleeper Wakes* (1899). Добавим, что писателей-фабианцев Герберта Уэллса и Бернарда Шоу высоко оценивал Джеймс (James 2003, 11, xliv).

По Уэллсу, любая утопия носит временный характер; утопическая модель будущего представляет интерес с точки зрения конструирования отношений между людьми. В очерке *A Modern Utopia* Уэллс выстраивает теоретическое обоснование личной свободы человека в обществе – центральной темы современной утопии, понимая свободу как свободу перемещения, слова, профессионального и религиозного выбора, и рисует счастливое государство, организованное на основах фабианского социализма усилиями партии интеллектуалов – «самураев Утопии». Стратегия фабианцев – постепенное и медленное реформирование общества, в т.ч. и посредством воспитания и образования. Аналогичным образом – как учителя и реформатора, представителя «высшей расы» (обладателя поэтического и аналитического ума в терминологии Уэллса по сравнению с обладателями ума тупого и пошлого) – определяет роль интеллектуала в обществе Джеймс, хотя никогда и не занимавшийся социальной философией, но высказывавший в письмах свою общественную позицию:

James came to see himself as one of „les intellectuals“, as belonging to a „higher nation, the cosmopolitan communion of liberal minds“, as he wrote to Gorky (20 Sept. 1906, p. 270). For him, „les intellectuals“ were moralists, critics of the old and prophets of the new and better, as can be seen from his description of George Bernard Shaw as „fanatic moralist of the new type“. (12 Feb. 1907, 318) (James 2003, 11, xliv)

В романе *When the Sleeper Wakes* (*Когда Спящий проснется*) Уэллс выказывает критическое отношение к революционным преобразованиям, которые он считает бесполезными. Революция не меняет положения в обществе, она лишь заменяет одних господ другими, одну аристократию другой, – замечает один из героев романа революционер Острог. Любая попытка перейти от осуществляемых при помощи революций изменений-перестановок внутри системы к революции как радикальному изменению самой системы обречена на провал. В финале в борьбе с революционером Острогом, в результате переворота захватившим власть и возглавившим новую аристократию, гибнет центральный герой романа – Спящий, который проснувшись через двести лет летаргического сна, начал мечтать о революции как о возможности реализовать идеалы свободы, заявленные в

XIX веке. Попутно Уэллс критически оценивает и образование, направленное на ускоренное усвоение ограниченного числа знаний и навыков. В государстве будущего прежняя экзаменационная система в обучении заменена внушением: вместо долголетнего обучения – несколько недель гипнотических сеансов, во время которых ученикам внушаются нужные знания.

В повести Горького *Мать* впечатляюще много (впечатляюще и для революционеров – современников Горького) читают серьезную литературу рабочие слободки, городские рабочие, крестьяне села, где жил Рыбин. По сравнению с постепенным поступательным движением общества по пути прогресса и просвещения, которое утверждается фабианским социализмом, получившим свое название по имени Фабия Кунктатора (Медлителя) и образно соотносимым с черепахой, рабочие и крестьяне у Горького прогрессируют стремительно – так же стремительно, как овладевает грамотой Пелагея Власова. Однако, как и фабианцы, Горький отрицательно относится к образованию как количественному накоплению оторванных от опыта знаний, подчеркивая важность просвещения как необходимого этапа духовной трансформации героев. Ученики у Горького, качественно и быстро усвоив необходимые знания, затем превращаются в учителей. Часто герои выполняют две роли одновременно. Павел Власов на вопрос матери, что он собирается делать в жизни, отвечает: «Учиться, а потом – учить других. Нам, рабочим, надо учиться. Мы должны узнать, должны понять – отчего жизнь так тяжела для нас» (Горький 1970, 8, 19–20). Павлу вторит Андрей Находка: «Всем нам нужно учиться и учить других, вот наше дело!» (Горький 1970, 8, 107). В финале повести Власова, неграмотная в начале повествования, учит людей «правде» о жизни. Герои из народа – Власова, Павел, Находка, крестьянин Рыбин, рабочие-кружковцы – опережают в своей просветительской деятельности учителей и других представителей интеллигенции. Горький явно накладывает образ читающей русской интеллигенции, равно как и свою любовь к чтению, на героев повести. Вместо уэллсовской партии интеллектуалов и высшей космополитической нации Джеймса у Горького – партия рабочего класса и единство рабочих всей планеты.

В отличие от Уэллса, считающего быстрый прогресс общества невозможным, а революционное преобразование общества – неэффективным, Горький в повести *Мать* в полемике с фабианцами считает возможным и первое, и второе: стремительно эволюционирующее сознание героев приводит их к осознанию неизбежности и необходимости революции. С точки зрения Смирнова, утопизм террористичен (Смирнов 1996, 168). В духе

утопизма, проповедующего смертную казнь,¹⁰ Горький описывает и мотивирует смерть предателя Исае. Андрей Находка не видит в Исае человека и потому оправдывает его убийство:

Он был вреден не меньше зверя. Комар выпьет немножко нашей крови – мы бьем! [...]

– Ты мог бы убить такого? – задумчиво спросил Павел [...].

– За товарищей, за дело – я все могу! И убью. Хоть сына [...]

(Горький 1970, 8, 126);

Помолчав, хохол сказал:

– Я не обернулся, хотя чувствовал [...] Слышал удар... Иду себе, спокойно, как будто жабу пнул ногой. Встал на работу, кричат: «Исае убили!» Не верилось. (Горький 1970, 8, 129)

И.П. Смирнов концептуализирует утопизм как неотчуждаемость бытия от субъекта:

В феноменологическом плане утопия, тематически целостный дискурс, занята одним – упразднением отчуждения. Утопии отличаются друг от друга тем, какую форму отчуждения отменяет тот или иной проект жизнеустройства. (Смирнов 1996, 160)

Социальная дистопия Уэллса *When the Sleeper Wakes*, напротив, демонстрирует различные формы отчуждения, методом от противного утверждая необходимость их снятия. В романе аристократия, «избранное общество», отгорожена от народа стенами дома Белого Совета. Рабы Рабочей Компании, трудящийся класс утопического общества, маркированы синим цветом униформы и вытеснены за пределы видимой реальности – в подземелье. Дети отчуждены от родителей и с момента рождения находятся в государственных яслях, что заставляет Спящего, мыслящего в категориях XIX века, считать их сиротами. В повести *Мать* Горький также изображает повальное отчуждение. Павел, вставший на защиту избиваемой отцом матери, встает тем самым в оппозицию отцу-алкоголику, в результате, отец отчуждает от себя жену и сына, прекратив приносить деньги в семью. После смерти Михаила Власова Павел, некоторое время пытавшийся копировать поведение отца в доме, затем выстраивает свою жизнь как противоположную отцовской линии поведения. Аналогичным образом поступает и Николай Весовщиков. Порывают со своими обеспеченными родителями и вступают на путь революционной борьбы девушки-революционерки Ната-

¹⁰ Смирнов объясняет эту черту утопизма как вытекающую из сущности утопического: бытие, торжествующее в утопии над сознанием, вынуждено прибегать к смертной казни как единственному радикальному средству, отнимающему у сознания бытие (Смирнов 1996, 168).

ша и Сашенька. В повести нет ни одной абсолютно счастливой пары. Андрей Находка и Наташа не находят возможности совмещать любовь и революционную деятельность. Несчастлив в любви учитель Николай Иванович, а сестра Николая Софья – вдова. Ее муж, политический ссыльный, бежал из Сибири и умер от чахотки за границей. Смерть обрывает отношения Егора Ивановича, похоронившего жену после пяти лет совместной жизни и революционной деятельности, и Людмилы. Возможная счастливая совместная жизнь Павла Власова и Сашеньки выносится и за границы пространства повести – в Сибирь, и за временные рамки повествования.

В то же время на другом уровне отношений между людьми Горький постоянно снимает отчуждение. В повести расширяются границы материнской любви, которая начинает распространяться на друзей сына, а в конце повести – на всех участников революционной деятельности. Мать, с одной стороны, утрачивает свой дифференциальный признак биологической матери сына Павла, даже ее общение с сыном выглядит менее душевным, чем разговоры с Андреем. С другой стороны, пройдя через потерю своей архетипической функции, мать наращивает материнские качества духовной матери героев вплоть до ассоциаций с Богородицей. В участниках революционного кружка Пелагея Власова видит объединяющее их духовное начало:

[...] и хотя у каждого было свое лицо – для нее все лица сливались в одно: худое, спокойно решительное, ясное лицо с глубоким взглядом темных глаз, ласковым и строгим, точно взгляд Христа на пути в Эммаус. (Горький 1970, 8, 108)

Кроме того, в повести снимается отчуждение и между людьми разных стран:

В тесной комнате рождалось чувство духовного родства рабочих всей земли. Это чувство сливало всех в одну душу, волнуя и мать; хотя было оно непонятно ей, но выпрямляло ее своей силой, радостной и юной, охмеляющей и полной надежд. (Горький 1970, 8, 37)

По Э. Блоху, утопии отражают намечающиеся тенденции развития общества.¹¹ По Георгу Лукачу, настоящие писатели-реалисты, к которым он относит Горького, способны пророчески предугадывать тенденции развития общества:

Great realism, therefore, does not portray an immediately obvious aspect of reality but one, which is permanent and objectively more significant,

¹¹ Об определении утопического у Э. Блоха и П. Рикера см: Смирнов 1996, 158-159.

namely man in the whole range of his relations to the real world, above all those which outlast mere fashion. Over and above that, it captures tendencies of development that only exist incipiently and so have not yet had the opportunity to unfold their entire human and social potential. (Lukács 2001, 1049)

По И.П. Смирнову, социалистический реализм

делает чудо нормой нашего мира, не маркирует чудо как исключительное событие. Все оказывается возможным, и тот, кто разграничивает категории кажимости и сущности, принадлежит к лагерю идеологических врагов. (Смирнов 1994, 279)

Горький изображает как реальность тенденции, если и намечавшиеся, то так и не получившие полной реализации. Чудесная просвещенность, сознательность и революционность рабочих и крестьян в *Матери*, утверждаемые как нормативные, сменяются в *Несвоевременных мыслях* (1918), напротив, недостаточными просвещенностью и образованностью народа и, как следствие, его неготовностью к революционным преобразованиям. Продолжение своей повести под названием *Сын Горький* так и не написал. В результате, сын Павел так и остался неотчужденным от матери и от дискурса о матери, не вышедшим в актуальную действительность. Утопическая картина просвещенного народа-интернационалиста, готового к революционной борьбе, несмотря на характерное в целом для утопии стремление к реализации на практике, осталась за рамками исторической реальности.

Джеймс, хотя и отзывался позитивно о социальных утопиях Уэллса, Шоу и утопическом романе Уильяма Дина Хоуэлса,¹² но, тем не менее, настаивал на

[...] the permanent presence of the old Adam. He praised utopian visions but with reservations about educated elites, commenting that „intellectual training doesn't curb men's passions, it only gives them more instruments of service“. (James 2003, 11, xliv)

Утопические же схемы, в отличие от позиции Джеймса, предполагают, как правило, изменение – «переделывание» человека, что и происходит в горьковской повести, интерпретирующей это изменение как очищение: «Человека надо обновить. Если опаршивеет – своди его в баню, – вымой, надень чистую одежду – выздоровеет! Так! А как же изнутри очистить человека? Вот!» (Горький 1970, 8, 55). Ориентированность на будущее

¹² Заметим попутно, что Хоуэлс входил в Комитет помощи Горькому, организованный для помощи в осуществлении партийных целей поездки.

нищезанского марксизма и богостроительства отзывается в утопической картине массовой духовной трансформации героев в *Матери*, создающих для себя нового бога. В то же время именно стремление представить идеальное будущее как реальное настоящее вписывает повесть в литературу социалистического реализма, созданного усилиями Горького почти двадцать лет спустя после написания повести:

In his exposition, religious feeling is presented as a dynamic force; it expands the consciousness of the individual and creates a sense of pride and joy. There is also a future-oriented historical dimension to Gorky's sense of religion; he sees a spiritual perfection which will lead to the emergence of a new psychological type (a „new man“) [...] The optimism with which the future is regarded, the faith in endless progress, and the conviction that there are no limits to human potential also resonate with more conventional Marxism and foreshadow notions that were to be expressed in much pro-Bolshevik fiction of the 1920s as well as socialist realist writings of the subsequent decades. (Scherr 2003, 196–197)

Престония Мартин в книге *Is Mankind Advancing?* (1910), которую она начала писать в период пребывания Горького в Америке, пытаясь ответить на вынесенный в заглавие книги вопрос путем «измерения прогресса» на основании сопоставления интеллектуального, технического, морального и т.п. развития общества в различные эпохи, приходит к заключению, что о прогрессе человечества можно судить не по отдельным гениальным личностям или достижениям, но исходя из благосостояния, просвещенности и образованности обыкновенных людей. В духе фабианского социализма Престония Мартин агитирует за создание условий для просвещения «common people» и, как следствие, для прогресса человечества. Книга Мартин открывается посвящением: «To THE SUPER-SUPERMAN with the hope that his coming may not be too long delayed» (Martin 1910). Горький в повести *Мать* пытался изобразить становление сверх-сверхчеловека, так и оставшееся нереализованной утопией. *Мать* – претекст соцреалистической литературы, начало мифа о новой истории и одновременно утопический текст, манифестирующий конец исторического бытия.

Л и т е р а т у р а

- Андреева М.Ф. 1961. *Переписка. Воспоминания. Статьи. Документы*, М. 1954. *Архив А.М. Горького*, Том IV, «Письма к К.П. Пятницкому», М. 1976. *Архив А.М. Горького*, Том XIV, «М. Горький. Неизданная переписка», М.
- Буренин Н.Е. 1955. «Поездка А.М. Горького в Америку», *М. Горький в воспоминаниях современников*, М.
- 1961. «С Горьким и Андреевой в Америке», М.Ф. Андреева, *Переписка. Воспоминания. Статьи. Документы*, М., 380-393.
- Горький М. 1970. *Полное собрание сочинений. Художественные произведения в 25 томах*, Т. 8, М.
- 1998. *Неизданная переписка с Богдановым, Лениным, Сталиным, Зиновьевым, Каменевым, Короленко*. Серия «М. Горький. Материалы и исследования», Вып. 5, М.
- 1999. *Письма в 24-х томах*, Т. 5, Письма 1905-1910, М.
- Ефременко Э.Л. 1970. «Примечания. Мать», М. Горький, *Полное собрание сочинений. Художественные произведения в 25 томах*, Т. 8, М., 426-499.
- Заика С.В. 1998. «От редакции», М. Горький, *Неизданная переписка с Богдановым, Лениным, Сталиным, Зиновьевым, Каменевым, Короленко*. Серия «М. Горький. Материалы и исследования», Вып. 5, М., 5-12.
1958. *Летопись жизни и творчества А.М. Горького*, Вып. 1, 1868-1907, М.
- Ревякина И.В. 1998. «...Смешно видеть себя причиной „драки“...» (Из переписки М. Горького с А. Богдановым 1903–1909 г., М. Горький, *Неизданная переписка с Богдановым, Лениным, Сталиным, Зиновьевым, Каменевым, Короленко*. Серия «М. Горький. Материалы и исследования», Вып. 5, М., 13-32.
- Смирнов И.П. 1994. *Психодиахронология. Психоистория русской литературы от романтизма до наших дней*, М.
- 1996. *Бытие и творчество*, (Приложение к альманаху «Канун», выпуск I), СПб.
- 2004. *Социософия революции*, СПб.
2002. *Современники А.М. Горького. Фотодокументы. Описание*, М.
- Шерер Ю. 1995. «М. Горький и А. Богданов (История отношений по материалам переписки 1908-1910 гг.)», *Неизвестный Горький*. Серия «М. Горький и его эпоха. Материалы и исследования», Вып. 4, Новый взгляд на М. Горького, М., 54-61.
- Bakewell Ch. and Bakewell Hooker M. 1970. „Glenmore School for Culture Sciences“ („A Summer Course of Study in the Adirondacks“), Adirondack, July-August, 64-7.
- James W. 2003. I.K. Skrupskelis, E.M. Berkeley (ed.), *The Correspondence of William James*, Vol. 11, April 1905 – March 1908, Charlottesville, London.
- Lukács G. 2001. „Realism in the Balance“, V.B. Leitch (ed.), *The Norton Anthology of Theory and Criticism*, New York, London, 1033-1058.
- Martin Prestonia Mann. 1910. *Is Mankind Advancing?*, New York.

- Porter Marjorie L. 1957. „East Hill. Two Experiments in Social Living“, *North Country Life*, Fall, 27-33.
- Scherr Barry P. 2003. „Gorky and God-Building“, J.D. Grossman, R. Rischin (ed.), *William James in Russian Culture*, Lanham, Boulder, New York, Oxford, 189-210.
- Spargo J. 1906. „With Maxim Gorky in the Adirondacks. A Week with Maxim Gorky“, *The Craftsman*, Vol. XI. November 1906, No. 2, 149-155.

ljubov.bugaeva@sbg.ac.at